

*Шутенко О. В.,
доцент кафедры гражданского процесса
Национального университета
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков*

«Психо-логические» основы разрешения правовых конфликтов

Правовой конфликт является разновидностью социальных, а порой и субъективных отношений. Проблематика психологии отношений, возникающих в гражданском процессе весьма актуальна, поскольку эффективность судебной защиты субъективных прав оставляет желать лучшего. Юриспруденция, со всем её набором правовых норм и предписаний, учебной и практической литературы, следует признать, не справляется с решением основного своего задания – ликвидация правового конфликта.

Документальный фильм «Квантовый психоанализ»[1], снятый голландскими кинематографистами натолкнул автора на размышления о бездуховности науки. В какой-то момент человеческой истории науки, задуманные для развития, улучшения качества человеческой жизни, начали отдаляться от этих целей и превратились в полную свою противоположность.

Раскрытие психологической сущности отношений, возникающих, в частности, в гражданском процессе, и построение «психо-логических» конструкций урегулирования споров и, по возможности, восстановление нарушенных этим спором (конфликтом) отношений является первоочередной задачей исследователя.

В структуре личности, по Э. Берну [2], представлены три социальные роли, которые чаще всего люди берут на себя, общаясь с другими людьми. Это роль взрослого человека, предполагающая самостоятельность, независимость, признание за другими людьми права быть независимыми личностями, отказ от нравочений и оказания давления на других людей и ожидание того же от них, полагание на свои собственные силы в решении собственных проблем, отсутствие ожидания, что кто-то их решит за тебя, рассмотрение других людей как равноправных партнеров по общению. Роль родителя отличается тем, что человек берёт на себя обязанность опекать, заботиться о других людях, считая, что они сами со своими проблемами без его помощи не справятся, других людей считает детьми и соответственно к ним относится, допуская их безответственность и прощая её. Роль ребёнка проявляется в том, что человек позволяет себе быть несерьёзным, капризным, безответственным и требует от других людей признания такого поведения, опеки, заботы и обеспечения.

Безусловно, что все три роли в той или иной степени характерны для каждого человека, но проявляются неодинаково – тип личности определяет преобладающая. Можно утверждать, что личность судьи должны характеризовать качества, присущие «взрослому», но не только: излишняя независимость может привести к отрешенности от «судьбы» спора и его сторон. Благодаря качествам «родителя» судья приобретает ответственность и

заботу о них. Недопустим судья с преобладающим типом «ребёнка», поскольку данная роль не предполагает возможности выполнения сложнейшей задачи конфликтного диалога.

Вмешательство третьего субъекта (судьи) с целью помочь в разрешении (урегулировании) конфликта – сложная и проблематичная практика, но всё-таки позволяющая сдвинуть конфликт с мертвой точки. Управление конфликтом и конструктивное развитие диалога связано с рядом опасностей, которые следует преодолеть для достижения цели.

Первая опасность состоит в том, что спорящие участники могут заподозрить посредника в заинтересованности в определённом исходе дела вместо того, чтобы придерживаться нейтральной позиции. Чтобы этого избежать, посреднику необходимо дать понять сторонам их личную ответственность в создании конфликта. Анализируя и расшатывая их первоначальные установки (представления) о собственной правоте подвести к выводу, что зачастую конфликт – это результат совместной деятельности и его ликвидация, соответственно, тоже.

Вторая опасность заключается в том, что в дилемном дискурсе посредник может оказаться в роли спасителя – человека, который способен исправить ситуацию и восстановить справедливость. Это порождает ожидания, которые не могут реализоваться, поскольку стороны не желают отказаться от своих ролей «жертвы», «угнетенного» и «обидчика», «негодяя». Такие взаимоотношения принимают форму обвинений, стороны конфликта переходят к «праведному гневу», что ещё более затрудняет выход из него. Преодоление этого связано с необходимостью вывести стороны за рамки сложившейся фиксированной истории. Например, с помощью вопросов «Что Вам хотелось бы сделать...?», «Что могло бы произойти, если...?», которые стимулируют настрой на переговоры, а также даст возможность задуматься на какие уступки следовало бы пойти для успешного управления конфликтом.

В-третьих, отрицание и защита в споре могут циклически сменять друг друга (например, истец может превратиться в ответчика по встречному иску). Это ставит посредника в странное положение: он должен выдержать любое сопротивление и поток негативных образов, не теряя при этом истинную цель конфликтного диалога. При этом посреднику не следует переоценивать собственную роль «спасителя», поскольку такой подход может увести его в оппозицию к сторонам. Необходимо настрой на то, что у спорящих хватит здравого смысла изменить ситуацию в лучшую сторону [3, с. 349-354].

Подводя итог, отметим, что гражданский процесс – это волевая, а, следовательно, осмысленная деятельность, предполагающая заинтересованность и целеполагание всеми без исключения участниками процесса. Взгляд изнутри, не со стороны процессуальной формы, которая представляет лишь средства, механизм гражданского процесса, а исходя из сущности той деятельности, которая запускает, оживляет этот механизм, и является наиболее интересным для исследований и применения на практике.

Используемые источники:

1. Режим доступа: www.torrentino.com/torrents/454222

2. Эрик Берн. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют а игры. – М.: ЭКСМО, 2010. – 576 с.
3. Питер Келлетт. Конфликтный диалог: работа с пластами значений для продуктивных взаимоотношений/Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» (М.А.Новицкая), 2010. – 416 с.

*Ярмак В. Ю.,
студент I курсу Національного університету
«Юридична академія України імені Ярослава Мудрого», м. Харків*

Логіко-юридичні підстави судового рішення (з історії англо-американської правової думки ХХ ст.)

Наприкінці ХІХ- на початку ХХ ст. дослідження логічних, психологічних та власне юридичних підстав судових рішень, зокрема суддівського розсуду, поповнюються теоретичними дослідженнями американських правознавців, які водночас вважаються визнаними фахівцями в галузі логіки права (О. В. Холмс Молодший, Б. Кардозо, К. Льюелін, Дж. Френк та ін.). Ці автори відносяться до впливових (насамперед, але не тільки, у США) течій «соціологічної юриспруденції» і «правового реалізму», визнають і обґрунтовують засадниче значення логіки у правотворчій судовій практиці.

Так, концепція О. В. Холмса Молодшого ґрунтується на тому, що конституційне право (конституція) є предметом суддівського судження й може бути підкріплене суддівським волевиявленням. І взагалі, під правом варто розуміти «прогноз того, що вирішать суди, й нічого більш претензійного».

За теорією Дж. Френка, право складається не з норм, а з конкретних рішень, насамперед суддівських. Воно може виступати в якості або реального права (actual law) — якогось конкретного минулого рішення в конкретній справі, або ймовірного права (probable law) — логіко-юридичного припущення про якесь конкретне майбутнє рішення, після ухвалення якого ймовірне право перетворюється на реальне право щодо конкретної особи й конкретних фактів. На переконання Френка, діяльність судді щодо кожної справи є правотворчою, й право виникає разом з ухваленням ним рішення. Думка ж юристів про право — це насправді не право, а тільки логічне припущення, що вирішить суд. Отже, юридичну, зокрема адвокатську, практику Френк визначає як мистецтво логічного прогнозування майбутніх рішень судової влади. Що ж до посилання в судовому рішенні на норму, то це є даниною усталеному міфологічному розумінню права як стабільної нормативної системи. Робиться це посилання суддею вже після того, як рішення сформувалося в його свідомості. Джерелом цього рішення, на думку Френка, є логічні умовиводи судді, його правові уявлення, емоції, переживання; рішення він приймає фактично інтуїтивно. Отже, за великим рахунком, судові рішення може бути обумовлене й тим, що суддя з'їв на сніданок.